

с целью удачной охоты, для защиты человека от болезней, неудач, смерти и для сопровождения души умершего к предкам.

Второй вывод заключается в том, что геометрические мотивы, используемые в орнаменте коряков, ительменов, чукчей, азиатских эскимосов, взяты ими не только из природы, но и из предметов материальной культуры.

Третий вывод свидетельствует о том, что для выявления семантики геометрических фигур в орнаменте народов северной части Тихоокеанского региона важное значение имеют не только этнографические, религиозные и мифологические источники коряков, ительменов, чукчей и азиатских эскимосов, но и народов Западной и Восточной Сибири, а также индейцев Северо-Западной Америки, что свидетельствует о наличии единых культурных связей в древности, проявляющихся в современном орнаментальном искусстве этих народов.

1. Арутюнов С. А., Сергеев Д. А. Древние культуры азиатских эскимосов. М. : Наука, 1969. 207 с.
2. Бобринский А. А. О некоторых символических знаках, общих первобытной орнаментики всех народов Европы и Азии. М. : Г-во тип. А. И. Мамонтова, 1902. 12 с.
3. Богораз В. Г. Очерк материального быта оленных чукчей // СМАЭ. СПб., 1901. Вып. 2. 67 с.
4. Богораз В. Г. Чукчи. Религия Л. : Изд-во Главсевморпути, 1939. 194 с.
5. Вдовин И. С. Религиозные культы чукчей // СМАЭ. Л., 1977. Т. XXXIII. С. 117–171.
6. Грачева Г. Н. Человек, смерть и земля мертвых у нганасан // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л., 1976. с. 44–67.
7. Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник. М. ; Л. : АН СССР, 1963. Т. 81. 500 с.
8. Ивановская В. И. Геометрический орнамент. М. : Изд-во «В. Шевчук», 2009. 208 с.
9. Каплан Н. И. Народное декоративно-прикладное искусство Крайнего Севера и Дальнего Востока : Кн. для уч-ся ст. классов. М. : Просвещение, 1980. 125 с.
10. Кочешков Н. В. Этнические традиции в декоративном искусстве народов Крайнего Северо-Востока СССР (XVIII–XX вв). Л. : Наука, 1989. 199 с.
11. Петри Б. Е. Народное искусство в Сибири. Иркутск : Сибгосиздат, 1923. 30 с.
12. Рандин В. А. Орнаменты: долганы, нганасаны, ненцы. СПб. : Просвещение, 1992. 75 с.
13. Смолицкий В. Г. Некоторые способы декорирования современной народной корякской одежды // Традиционное искусство и современные промыслы народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. М., 1981. С. 77–90.
14. Традиционное искусство Востока. Терминологический словарь / под ред. Т. Х. Стародуб. М. : Эллис Лак, 1997. С. 93.
15. Ухтомский Д. Чукотские стрелы // Ежегодник Русского Антропологического общества при СПб ун-те. 1912. Т. 4. С. 103–122.
16. Хомич Л. В. Снеговые очки // Северные просторы. 1990. № 1. С. 44.
17. Birket-Smith K. The chugach Eskimo // Natilmuseet skrhfter. Etnografisk Roekke. 1953. Vol. 6. P. 72–79.
18. Iohelson W. The Koryak. Religion and Myths // The Jesup North Pacific Expedition – Leiden – New York, 1905. Vol. 6. Part. 1. 382 p.
19. Teit J. The Thompson Indians of British Columbia // The Jesup North Pacific Expedition. New York, 1900. P. 163–392.

Л. В. Садовникова
ВОПРОСЫ УПРЯЖНОГО СОБАКОВОДСТВА
КАМЧАДАЛОВ НАЧАЛА XIX в.

(перевод с немецкого «Наблюдений во время путешествия
 вокруг света в 1803–1807 годах» Г. И. Лангсдорфа)

Упряжное собаководство как часть национальной культуры коренных народов Камчатки является объектом пристального внимания ученых разного уровня.

Еще в 1946 г. известный советский этнограф, антрополог и археолог Максим Григорьевич Левин в своей статье «О происхождении и типах упряжного собаководства» дал четкое определение данному виду собаководства: «...под упряжным собаководством следует понимать только те специализированные формы транспортного собаководства, которые связаны с наличием ездовых собак, специально тренируемых и используемых только для транспорта, с наличием определенных типов собачьих нарт, собачьей упряжки и методов езды на собаках» (4).

Примечательно, что в статье упомянуто имя Григория Ивановича Лангсдорфа, а поскольку книга до сих пор не переведена на русский язык, то в качестве примера взят только его чертеж саней.

«Историко-этнографический атлас Сибири» под редакцией М. Г. Левина и Л. П. Потапова, изданный в 1961 г., содержит целый раздел, посвященный упряжному собаководству (авторы В. В. Антропова и М. Г. Левин); однако, по утверждению авторов, «материалы, относящиеся к концу XVIII и началу XIX в., к сожалению, очень неполны» (3, с. 58).

Тем не менее, уже в начале XIX в. упряжное собаководство на Камчатке было довольно хорошо развито, имело большое значение для ительменов, оседлых коряков, русских, живущих на этой территории, основным занятием которых были охота на морского зверя и рыболовство. Кроме того, собачья упряжка являлась чуть ли не единственным транспортным средством в центральной части полуострова в зимний период.

Редкий путешественник и исследователь Камчатки не проявлял интереса к упряжному собаководству, особенно это касается зарубежных ученых. Почти каждый из них, одни в большей степени, другие – в меньшей, считал своим долгом упомянуть в научных трудах незабываемую езду на собачьих упряжках, излагая при этом свои наблюдения за содержанием ездовых собак, их физическими возможностями, поведением, привычками, а также за характерными особенностями относительно устройства ездовых и грузовых нарт.

Об этом свидетельствуют материалы в книге «Собаководство на Камчатке в XVIII–XX веках» (сост. В. И. Борисов), которые, начиная со Стеллера и Крашенинникова и заканчивая современными публикациями о собаководстве, подтверждают живой интерес и озабоченность людей, рассматривающих упряжное собаководство в качестве традиционного занятия камчадалов (5).

О Лангсдорфе я говорила на прошлых Крашенинниковских чтениях (2). Хочу только добавить, что 18 апреля 2014 г. исполнилось 240 лет со дня его рождения.

Глава 14 двухтомного труда Г. И. Лангсдорфа «Наблюдения во время путешествия вокруг света в 1803–1807 годах» называется «Камчадалские собаки, рассматриваемые как упряжные животные». Далее следует мой перевод (Л. С.) указанной главы:

«Повсеместное и разнообразное использование собак европейцами хорошо известно; для охотника они – незаменимые спутники; пастух доверяет им свои стада, хозяин и путешественник – безопасность своего имущества. Многие островитяне Южного моря (южная часть Тихого океана) разводят их, как мы свиней, в качестве откормочного скота, а все народы, проживающие вдоль Северного моря от Оби, по всей северной Сибири, на Камчатке, Курильских островах до северных владений Японии, на расстоянии более 100 градусов долготы друг от друга, а именно: остяки (устаревшее название народов, проживающих в Сибири), самоеды, большая часть тунгусов, коряков, чукчей, камчадалов, курильцев и айнов на Йессо и Чоке используют собак в качестве ездовых животных.

Отдельные племена последних народов больше используют северных оленей, другие – собак; первых называют кочевыми, последних – оседлыми.

Поскольку из всех названных народов камчадалы больше всех заинтересованы в упряжном собаководстве, и мало кто слышал название этого полуострова без того, чтобы не вспомнить о принятой здесь ездовой почте, а мы, по-моему, не имеем других сведений, кроме тех немногих, что сообщили нам Стеллер и Крашенинников, то мною двигал вполне здоровый интерес в отдельной главе изложить собранные во время моего пребывания на Камчатке наблюдения за ездовым собаководством.

У камчадалских собак острая, выступающая вперед морда, заостренные, прямо торчащие уши, длинный, сильно волосатый, лохматый хвост; по своей наружности, телосложению, размерам, взгляду и по самому образу жизни они очень схожи с волками и во многом напоминают наших так называемых шпицев (порода собак) и европейских овчарок.

Кожа покрыта либо гладкими короткими, либо мохнатыми длинными волосами, а на шкуре – настоящей шерстью, длинной, нежной, мягкой, которую можно было бы также хорошо прясть, как и овечью, если ее тщательно собрать, промыть и обработать. Тех собак, у которых вот такие шерстеподобные и длинные мохнатые волосы, называют общим именем вельможи или волосатые, и их шкуру ценят преимущественно как теплый мех и оторочку для одежды.

Этот вид собак в большинстве своем проблематичен для упряжки и часто едва может использоваться при свежеевыпавшем и глубоком снеге, так как мягкий снег набивается между волосами, замерзает и мешает собаке быстро бегать. Длинноногие и тонковолосые собаки особенно хорошо подходят для легкой упряжки. Встречаются отдельные собаки, которые, как и наши, лают, но большинство просто воют и только изредка лают. Масть довольно разнообразная, есть черные, белые, серые, рыжие, и на этих окрасках всевозможные пятна.

Круглый год они живут под открытым небом, ни разу не заходя в жилище или сарай. Летом они роют себе ямы в земле, чтобы было прохладнее лежать, а зимой таким же образом прячутся в снегу, чтобы укрыться от холода. Я неоднократно был свидетелем, когда они зимой в пургу были совершенно засыпаны снегом, без движения, и их, зарытых под глубоким снегом, нужно было еще найти. Эти собаки лучше переносят холод, чем жару. Весной, при более теплой погоде они задыхаются, как будто совершили дальнее путешествие.

Как только через несколько недель щенков отучают от материнского молока, содержание их начинается с того, что их привязывают посредством длинной и тонкой палки, закрепленной на ошейнике, или цепи на столбе, таким образом удерживают от перегрызания ремней и кожаных предметов, которые в дальнейшем служат для привязывания или упряжки, и в то же время вынуждают их привыкать лежать спокойно.

До тех пор, пока они еще маленькие, их кормят хорошо сваренным рыбным супом, который они едят с удовольствием и едят так много, что порой с трудом могут шевелиться, и можно подумать, что у них вот-вот треснет пузо. Этот суп необходимо давать тепловатым и ни в коем случае не горячим. При таком кормлении собаки очень быстро растут и становятся сильными. Тех собак, которые довольно много едят, заранее пророчат в пригодную, сильную ездовую собаку. Вообще, лучшими считают тех, у кого сильный скелет, высокие и широкие лапы, прямостоящие, длинные и острые уши, выступающая вперед заостренная морда, откинутаая назад мощная голова и широкая грудь.

В пять месяцев или же между пятым и шестым все выбранные для упряжки собаки подвергаются кастрации (первая операция, которая готовит их для дальнейшего назначения); благодаря этому они так же, как и наши лошади, делаются более выносливыми к чрезмерным нагрузкам и в дальнейшем сдерживаются от всякого рода ненужных мыслей. Эта операция проводится лучше всего весной или летом, во всяком случае, пока тепло, так как осенью или зимой заживление длится достаточно долго.

И только немногие, в основном предназначенные для продолжения рода некастрированные собаки, а также суки (за исключением самых крайних случаев) привязываются.

Довольно странным является то, что обыкновенные кастрированные ездовые собаки становятся, так сказать, заклятыми врагами для остальных и при каждой возможности кусают всех вокруг.

Вторая операция, которой должны подвергнуться ездовые собаки, называется «англизация», или подрезание хвоста. Поскольку хвост в естественном состоянии очень длинный и сильно покрыт волосами и мешает собакам при быстром беге, поэтому редко можно увидеть собак с неподрезанным хвостом. Эта операция делается только тогда, когда развитие у собаки практически закончено, и впервые ее проводят между вторым и третьим годами жизни; камчадалы не делают это раньше, так как считают, что операция может навредить росту собак и уменьшить силу этих животных.

Весьма примечательно то, что из-за постоянного членовредительства и повторения этой операции у каждого последующего поколения иногда из-за противоестественного насилия могут рождаться собаки без хвоста; такой случай я сам наблюдал в Малках, в одной довольно большой деревне в средней части Камчатки; тогда мне стало понятно, что и в Англии временами (особенно среди пород больших ломовых лошадей) рождаются лошади без хвоста.

По мере того как собаки еще растут, если нет возможности по-другому сохранять их силы, то запрягать их нельзя. За этим правилом очень строго следят; в последние годы из-за недостатка времени в заботе о запасах на зиму и частых дежурств на морозе камчадалы потеряли очень много ездовых собак и вынуждены были запрягать щенков уже в 7–8 месяцев, из-за чего численность и качество их настолько снизились, что вместо трех-четырех собак, которых ранее использовали для легкой упряжки, запрягали уже 5–6.

С сожалением камчадалы вспоминают времена своих предков, когда те могли проявлять особую заботу о разведении собак; щенков содержали в ямах под землей, и их ежедневно кормил один и тот же человек.

После первой операции их время от времени запрягали вместе с другими, уже привыкшими, ездовыми собаками, чтобы постепенно приучать к тасканию нарт, но каждый раз их снова возвращали в яму до тех пор, пока окончательно не выдрессируют. Выращенные таким образом собаки были светобоязненны и нелюдимы. При малейшем шорохе или взлете дуги они пугались и рвались изо всех сил. Три таких собаки, которые впервые были запряжены в возрасте около трех лет, были сильнее шести, используемых в настоящее время. Щенки, которые по природе своей были более

резвыми, чем остальные, быстро становились очень сильными, вследствие чего в первые годы их неохотно использовали для езды на дальние расстояния, а только для коротких поездок или на легких работах. Для дальних поездок и подвод предпочтительнее были пяти-шестигодовальные собаки.

Каждая собака, пока она еще маленькая, получает кличку, которая обычно зависит от цвета или особых примет, например, Черное Ухо, Длинное Ухо, Висячее Ухо, Острый Нос, Красное Пятно, Серая или Черная Голова, Тигр, Белая Лапа, Тупой Хвост и т. д. Тех собак, которые приносили особую пользу, в случае если запряжена стая собак, и та или иная не выполняет свою работу, с угрозой окриками по имени, после чего хорошенько прищипривают. Это необходимо тогда, когда при управлении собачьей упряжкой помогают не поводок или кнут, а слова.

Пища собак в большей степени состоит из свежей, замороженной, вареной, сушеной и протухшей рыбы, при этом их кормежка требует особого внимания, и каждый камчадал, считающий себя хорошим хозяином и содержащий собак, придерживается самых строгих правил в собаководстве. Летом большинство собак ищут себе пропитание сами; они держатся по соседству к морским берегам или рекам и выслеживают рыбу, стоя по брюхо в воде, а иногда и полностью погружая голову под воду, и когда видят рыбу, с такой осторожностью хватают ее, что добыча редко ускользает от них. При изобилии этой пищи, например, когда лосось косяками заходит в реки, собаки едят только их головы, а тушки оставляют на берегу, как будто они менее приятны на вкус.

Осенью свободно бегающие и кормящиеся собаки от голода возвращаются в деревни, где хозяева их привязывают, чтобы они не могли устраниваться от предстоящей нартовой езды. Поскольку они очень жирные, то ежедневно получают только маленький кусочек сухой или замороженной рыбы, а в некоторые дни вообще ничего, чтобы они день за днем становились поджарыми, так как жирная собака неповоротлива и нерасторопна. День и ночь их голод и жалобы о потерянной свободе сопровождаются ужасным завыванием, и так как каждый камчадал обладает, по крайней мере, шестью собаками, т. е. столько, сколько ему требуется для упряжки нарт, то в одной деревне, население которой от 15 до 20 жителей, находятся, самое малое, от 120 до 140 собак; и стоит только некоторым подать голос, одновременно раздается страшный вой. При огромном избытке рыбы летом и нехватке ее зимой приходится делать запасы на зиму: рыбу чистят и вялят; для этого выкапывают большие ямы, куда забрасывают тысячи рыб, плотно закрывают их соломой, тесом и землей. Когда в дальнейшем такую яму открывают, то рыба, превратившаяся в гнилое месиво, распространяет неприятную чумную вонь, которая заполняет всю округу, но, кажется, не производит особого впечатления на обонятельные нервы камчадалов. Такого рода зловонная рыба, наряду с другой падалью, составляет лакомство для собак и дается им только изредка маленькими порциями. При дальнейшем единении русских с камчадалами этот вид корма почти вышел из моды. Основным кормом зимой является замороженная или вяленая рыба, называемая юколой, и в зависимости от размера рыбы или от жирности или сухощавости собак рыбу делят на большие или меньшие порции. Особенно мне бросилось в глаза, что ту часть рыбы, которую собаки предпочитали летом, а именно голову, зимой они совершенно игнорировали; впрочем, это вполне естественно, так как рыбы кости и острые крепкие зубы вяленого лосося служат причиной кровоточивости пасти почти при каждом приеме пищи у голодных собак, которые с волчьим аппетитом набрасываются на еду.

До тех пор, пока реки зимой покрыты льдом и вода недоступна, собаки утоляют жажду снегом или льдом.

Лошадь, если ее необходимо использовать, должна быть сначала хорошо накормлена. Совсем по-другому обстоит дело с собаками; эти могут бежать с пустым желудком, а если их, прежде чем запрячь, хорошо накормить, возможно, из благих намерений или же по незнанию, а затем заставить работать, то по пути их тошнит, у них открывается понос, и они явно теряют силы и здоровье. Поэтому каждый раз их запрягают натошак и кормят только вечером, после завершения работы. Если их хотят покормить утром перед выездом или в самом начале езды, в случае, когда нужно срочно выезжать, тогда каждой собаке бросают половинку юколы; в этом состоянии они бегут и тянут нарты целый день и могут преодолеть 60–80 и даже 100 верст с почти пустым желудком.

Когда упряжка прибывает в место назначения, то разгоряченных собак нельзя сразу же кормить; нужно подождать по крайней мере час, если собаки преодолели путь в 30–40 верст, и два часа, если они пробежали 60–70 верст, чтобы они предварительно полностью охладились; тогда их можно накормить и на всю ночь оставить в покое, после чего они снова могут продолжить езду.

Если хозяин хорошо обходится со своими собаками, то по преодолении половины пути он позволяет им немного отдохнуть и каждой из них бросает кусочек сухой рыбы; это настолько придает им силы и бодрости, что вторую часть пути они преодолевают с наибольшей скоростью и лег-

костью. На дальние расстояния собаки бегут намного лучше с некоторым ограничением рациона; причем первые дни пути должны быть короче, чем последующие. Если те же самые собаки 5–6 дней ежедневно преодолевают от 40 до 50 верст, то хорошо бы дать им суточный отдых, после чего вдоволь накормить, тогда они сохранят свои силы на много дней.

Из-за резвости, недостатка дрессировки, дурной привычки или голода собаки нередко перегрызают изготовленные из тюленьей кожи ремни, которыми их привязывают или запрягают. Это обстоятельство может поставить путешественника в затруднительное положение; поскольку он из-за недостатка ремней вынужден будет остаток пути пройти пешком. Хорошая собака, даже при сильном голоде, не позволяет себе перегрызть сбрую.

Воровское чутье свойственно многим камчадалским собакам, так что они, несмотря на самое суровое наказание, не могут удержаться от того, чтобы не украсть все, что ни попадется им на глаза; в этой части натуры они похожи на волков и лисиц.

Когда я был у коряков, ночью мои собаки сорвались, стащили у хозяйки мешок с рыбьим жиром, перегрызли его и выпили весь жир, который на следующее утро вызвал у них сильную диарею.

Издающееся зловоние для них очень приятно, и часто они ссорятся из-за человеческих испражнений. Если весной временами недостаточно сухой рыбы, их кормят медвежьим жиром или тюленьим салом, между тем, им дают ровно столько, сколько необходимо, чтобы поддержать их жизнь, и до тех пор, пока свежая рыба опять не войдет в реки. Кормление мясом портит собак и делает их неуклюжими.

Раздраженные от голода, весной они собираются в стаи; когда верховая езда заканчивается и ощущается недостаток корма, часто сообща они нападают на крупный рогатый скот, раздирают его и едят. Меня уверили, что они свирепствуют даже между собой и что большие собаки поедают щенков и слабых собак. По этой причине разведение овец и свиней на Камчатке почти невозможно, хотя для этого можно было бы просто построить сарай для откармливания.

После того как собак всю зиму скудно кормили сухой и мороженой рыбой, а весной рыба снова прибывала в реки, камчадалы не позволяли собакам насытиться ею в полной мере, а считали, что сначала они должны постепенно привыкнуть к этому лакомству, и что перемена в питании может частично навредить силе и качеству собак. По всей вероятности, они передали и от этого страдали диареей; поэтому каждый собственник хороших собак весной варит свежий рыбный суп и кормит им до тех пор, пока они снова не привыкнут к летнему лакомству из свежей рыбы.

Обычное чувство бдительности, свойственное собакам, совершенно отсутствует у камчадалских собак. Их сноровка основывается на одном лишь «таскании», и они проявляют доказательство своей верности и преданности путем отдачи сил, особенно тому, от кого получают еду, или кого признают своим хозяином. Поэтому каждый любитель хороших собак кормит их сам и не уходит до тех пор, пока они все не съедят; и это, прежде всего, необходимо из-за того, что всегда находится собака, которая жаждет украсть корм у других.

По всей Камчатке находятся действующие почтовые станции, от которых отправляются на собаках, как в Европе на лошадях. Станции удалены друг от друга на расстояние от 30 до 40 или 50, а некоторые – 70 верст. Каждый путешественник получает для себя и своего экипажа нарту с шестью запряженными собаками и сопровождающего, т. е. камчадала, который едет на других нартах с шестью запряженными собаками и остатком экипажа, а затем возвращает назад нарты и собак. Сколько человек участвует в путешествии, столько и отдельных нарт им предоставляется; причем, обычно каждый сам себе ящик и едет самостоятельно. Почтовые собаки – менее привыкшие к хозяину, чем другие, послушно везут любого человека. К тому же еще камчадалский сопровождающий, который обычно является владельцем, едет перед пассажиром, и поскольку собаки, принадлежащие ему, всегда видят своего хозяина, то охотно следуют за передней нартой.

Число собак, которых запрягают в нарту, частично зависит от груза, который необходимо доставить из одного места в другое, частично от добротности собак и состояния дороги или санного пути. В легкую нарту с одним человеком и небольшим багажом требуется 4–5 собак, чтобы быстро доехать. Шесть собак могут с легкостью везти от 14 до 16 пудов или 640 фунтов по хорошей дороге. Если нужно увезти более тяжелый груз, то необходимо запрячь больше собак.

На обычных почтовых собаках за один час преодолевают 10–12 верст, а на хороших ездовых собаках – 15–20 верст. Это возможно при условии хорошей санной дороги и непродолжительного времени, в противном случае на тех же самых собаках 40–50 верст можно проехать за 2,5–3 часа, но невозможно преодолеть 80 верст за 6 часов.

На очень хороших собаках можно, не меняя их, за два раза по 24 часа проехать 200 верст и за три дня самое большее 300 верст, но затем необходим отдых.

Почтовые собаки, привыкшие к бегу и нагрузке и, впрочем, будучи не всегда самыми лучшими ездовыми собаками, передвигаются очень быстро, даже если они бегут день и ночь. В Тигиле, населенном пункте на северо-западном побережье Камчатки, я встретил унтер-офицера, посланного в качестве курьера, который преодолел 15 сотен верст за девять с половиной дней, следовательно, все 24 часа напролет он проезжал свыше 150 верст со сменой собак на каждой станции.

Если у кого-то есть желание найти лучшего в деревне владельца или любителя собак, чтобы запрячь его хороших и просто привыкших к нему собак, то ему не следует отставать, по крайней мере, когда он едет один, в отличие от плохих почтовых собак; потому что, как только они слышат чужой голос, а не голос своего хозяина, то становятся безразличными и едва шевелятся, как бы им не угрожали и не наказывали. Однажды по совету я купил в одной маленькой деревне хорошую собаку, которая еще никогда не знала другого хозяина, а только того, кто вырастил и ежедневно кормил ее. После того как собака стала моей собственностью, я запряг ее вместе с другими, уже привыкшими ко мне собаками и покинул ее место рождения; она постоянно оглядывалась назад, не хотела бежать вперед и тянула очень плохо, несмотря на наказания. На следующей станции она перестала есть корм, который я ей бросал, была беспокойна, постоянно оглядывалась на дорогу, откуда прибежала, и выла еще несколько дней, пока, наконец, не привыкла ко мне и с достоинством не подтвердила свою репутацию.

Число собак, которых запрягают перед нартой, частично зависит от груза, который необходимо доставить от одного места к другому, частично от добротности собак и состояния дороги или санного пути. В легкую нарту с одним человеком и небольшим багажом требуется 4–5 собак, чтобы быстро доехать. Шесть собак могут с легкостью везти от 14 до 16 пудов или 640 фунтов по хорошей дороге. Если нужно увезти более тяжелый груз, то необходимо запрячь больше собак.

Щенков можно испортить, если их с ранних лет заставлять возить тяжелые грузы; так как они привыкают к медленному шагу и в дальнейшем не могут быть использованы вместе с быстро бегущими собаками.

Собаки обычно бегут рысью и весьма равномерным ходом, так что, когда они в движении по хорошему санному пути, то бегут час за часом почти на одинаковом расстоянии.

Стеллер говорит: «При хорошей погоде и дороге без остановки можно проехать от 100 до 140 верст за 15 часов».

Если собаки в упряжке небрежны и ленивы и не обращают внимания на угрозы, то по дороге их наказывают; наказание совершается, в основном, розгами и только изредка палками, т. к. последними можно повредить ногу или ребро и сделать их непригодными к езде.

Весь почтовый обоз управляется не при помощи уздечки и ремней, а просто словами; в этом состоит существенное различие между обозом и упряжкой; последние все время следят за передними и точно повинуются, при условии, если собаки хорошие, команде своего каюра, который кричит им по-камчадалски: направо или налево, быстро или тихо. «Направо» по-камчадалски звучит «кахках», «налево» – «хучахуча»; «быстро» или «вперед» или «тихо» и «стой» – «атн», произносится через нос, приблизительно как длинное французское «эн».

Ценность собаки на Камчатке также различна, как ценность лошади в Европе. Обычная пригодная для упряжки ездовая собака стоит 40–50 руб., а очень хорошая гоночная и собака-поводырь временами примерно от 100 до 150 руб. Щенок, которого отняли от матери и по которому нельзя понять, что из него получится, стоит обычно 10 руб.

Лучшие собаки встречаются сейчас в западной части полуострова на пути от Тигиля в Большерецк, так как жители освобождаются от собак с меньшей пригодностью для тягловой работы и меньшей склонностью к принуждению. При покупке собак многие каюры осматривают ляжки собак и при этом утверждают, что если на верхней части ляжки волосы сильно стерты, то это лучший показатель работающей ездовой собаки, так как упряжные ремни при сильной езде прилегают к ляжке, а у ленивой собаки никогда не найдешь и следа стершихся волос. Другие отрицают и рассматривают это как доказательство добротности собаки.

Для хорошей упряжки используют, безусловно, смышленную собаку-поводыря, так как от этого одного зависит комфортабельность езды, поскольку за ней следует весь остальной обоз; именно в этом и состоит настоящая работа собак, если собака-поводырь плохая, то, как и другие собаки, она бежит налево, когда следует бежать направо.

В случае, если собаки плохие и нет собаки-поводыря, то, чтобы все же спокойно добраться от одного места до другого, необходимо пустить вперед хорошо запряженную нарту, и тогда плохие собаки без труда бегут по следу. Обладая хорошо натасканной собакой-поводырем, нужно всю зиму,

как можно чаще, поддерживать этот навык, так как если ею недостаточно часто командовать и она большую часть зимы бежит позади других нарт, то забывает о своем мастерстве и значительно теряет свою ценность.

На Камчатке и во многих других северных странах собаки в качестве тягловых животных предпочтительнее, чем лошади.

Собаки перед нартами могут бежать по глубокому снегу, слегка подмороженным пескам и болотам, через реки и взгорья, там, где лошадям, безусловно, не удастся.

Зимний запас рыбы, предназначенный для корма собак, намного легче заготовить в огромном количестве, чем сено для лошадей.

Собаки гораздо выносливее и при дальней езде от 2 до 3 дней вполне довольствуются несколькими сушеными рыбами, взятыми с собой в качестве провизии для человека и скота, и тем не менее, работают, в то время как лошади, напротив, из-за недостатка корма такие нагрузки не выдержали бы. Зимой, даже в самые сильные морозы, они не нуждаются в особом уходе в сарае, как лошади, и все лето выискивают себе пропитание без малейшего попечения своих хозяев.

Мех старых отживших или уже непригодных для езды собак используется преимущественно для очень теплой меховой одежды; и вообще, собаководство, безусловно, вызывает меньше трудностей, чем коневодство.

Собаки, предназначенные для упряжки, всю зиму должны сидеть на цепи. По мнению камчадалов, таким образом они сохраняют свои силы.

Привязывание собак или «сажание» их на цепь, кроме всего прочего, очень важно, так как для езды на нарте они должны быть в любое время под рукой; если им предоставить свободу, то многие собаки, заметив, что их намереваются запрячь, становятся довольно хитрыми, убегают прочь и не возвращаются до тех пор, пока голод не принудит их к этому.

Они не должны свободно бегать еще и потому, что они легко начинают ссору друг с другом, и иногда хорошая ездовая собака, получив злосчастный укус, становится на краткое или длительное время непригодной для службы.

Если собаки очень жирные и малопригодны для упряжки, тогда на некоторое время им предоставляют свободу, так как опыт подсказывает, что собаки в частом и произвольном движении быстрее худеют.

Наконец, я хочу еще обратить внимание на некоторые заболевания, отчасти свойственные только упряжным собакам: так, особенно те, что запрягаются ближе всего к нартам, подвергаются вывихам ключевого сустава, в особенности, когда нарты при очень неровных дорогах зачастую неожиданно попадают в яму или впадину, то под тяжестью навьюченного груза упряжь вокруг спины и груди собак получает такой сильный удар, что уставшую собаку относит далеко в сторону, и ключица выскакивает из сустава. Почти каждый камчадал хорошо осведомлен о подобном казусе, следовательно, случись это с его собакой, он спешит на помощь и без дальнейших вредоносных последствий вставляет кость; если он это просмотрит или запустит, то даже самая лучшая собака впоследствии не будет представлять ценности.

Если собаки в очень стойкие морозы (в декабре, январе) вымокнут в родниковом ключе, то часто они отмораживают лапы и всю зиму непригодны для упряжки.

Весной, когда днем подтаявший снег и вода холодными ночами покрывается только тонкой ледяной коркой, которая едва выдерживает груз упряжки, нужно искать способы, чтобы уберечь лапы собак; поскольку они бегут по колкому, жесткому замороженному снегу и при быстром беге стирают до крови голеностопные суставы. Чтобы предотвратить эту беду, им обычно надевают кожаные чулки, которые закрепляются на передних и задних коленных суставах. Но многие собаки не выносят такого принуждения, сдирают их, так как они мешают им свободно двигаться.

Если собак заставляют тащить тяжело нагруженную нарту по жесткой и скользкой санной дороге, то они напрягаются и так сильно впиваются когтями лап в лед, что они вырываются из фаланги и лапы на длительное время повреждаются.

Порой случается, что собаки неожиданно прекращают принимать пищу и худеют; тогда камчадалы удаляют им то, что в обычной жизни называют перепонкой, а точнее, подъязычную уздечку, и утверждают, что это переносится очень болезненно (возможно, преувеличено), и собаки вскоре после удаления выздоравливают.

Другими обычными заболеваниями являются: солитер, кровавая рвота, дизентерия, и, по рассказам камчадалов, все виды болезней, свойственные человеку; и все же весьма примечательно, что, несмотря на мои частые и точные расспросы, по всей Камчатке я не смог получить сведений ни об одном случае бешенства собак.

О собачьей упряжке, я полагаю, лучше дать четкое представление путем точного рисунка с пояснениями, чем путем пространного описания.

Ездовые нарты изготавливаются простым и изобретательным способом лишь из березовой древесины и ремней без единого гвоздя, то прочнее и выше, то слабее и легче, в зависимости от того, для чего используются: для перевозки товара, просто для охоты или для езды путешественников. При изготовлении необходимо следовать определенным правилам, от которых зависит качество.

Бросается в глаза, что почти все нарты по всей Камчатке имеют одну и ту же ширину колеи, таким образом, можно легко найти путь по хорошей санной дороге, состоящей, так сказать, из двух борозд, в которые попадают полозья всех едущих друг за другом нарт.

Хорошая легкая нарта редко весит более 20–22 фунтов и, несмотря на это, такая крепкая, что может изо всей силы наехать на дерево и не разбиться. Грузовая нарта во всех отношениях изготовлена крепче, а, следовательно, и тяжелее.

Полозья в передней части нарты по ширине должны находиться на расстоянии где-то около половины дюйма друг от друга, чем задние, за счет чего нарта скользит по дороге намного легче. Само сиденье крепится на четырех ножках, из которых передние приблизительно на полдюйма выше, чем задние. Сиденье не должно быть слишком высоким, так как нарта может легко перевернуться. Несмотря на то, что большинство нарт предназначены только для одного человека, однако в крайнем случае на ней могут поместиться два человека, если они разместятся по обеим сторонам, один по правую сторону, другой – по левую, как на скамейке.

Каюр всегда сидит сбоку и, чтобы сохранить прямое положение нарты, в любое время должен быть готов спрыгнуть, пробежать рядом с ней и снова запрыгнуть на нее; вообще, в способе балансировки и сохранности нарт в любой момент в целости и равновесии заключается мастерство каюра.

Кроме обычных саней есть еще другой вид, предназначенный просто для перевозки грузов, который называется нартами (первоначальное значение слова). Они похожи на длинную скамью, стоящую на четырех ножках и снабженную с обеих сторон бордюрами; находящиеся внизу нее полозья имеют ту же самую ширину, что и остальные сани.

Самой необходимой оснасткой при езде на нарте является остол, коленчатая, согнутая в притупленный угол крепкая палка с железным наконечником на нижнем конце и изящно оплетенная ремнями и с бубенчиками или звенящими колокольчиками на верхнем конце. Остол применяется вместо поводка и кнута; если нужно заставить собак бежать, то им бряцают, если ехать медленно или остановиться, то остол с необходимой силой втыкают в снег или лед перед передними полозьями и таким образом сдерживают бег собак. Таким же образом им можно регулировать силу нарты; при крутом спуске с горы, поскольку нарта, особенно, если она еще и тяжело нагружена, бежит быстрее, чем собаки и наезжает на них, то нарта первой достигает подножия горы, а вся собачья упряжка волочится за ней. В этом случае каюр уже по дороге слезит с нарты и идет пешком следом, сдерживая нарту.

В дальнейшем остол необходимо рассматривать в качестве командной палки, так как если, например, человек находится в лесу на охоте, то путем постоянного крика «ках-ках» (направо) и «хуча-хуча» (налево) очень скоро распугивает всю дичь; поэтому хорошие ищейки должны внимательно следить за остолом; если каюр бьет им по снегу справа или совсем тихо стучит им по правым полозьям, то нужно ехать налево, и наоборот, если бьет им по левой стороне нарты, то направо. Это настоящее удовольствие охотиться с хорошей ищейкой, с которой, не открывая рта, можно приблизиться к дичи или добраться до ближайшего дерева или куста, откуда удобнее стрелять.

Камчадал редко садится на нарту, не взяв с собой пару лыж, которые для него очень важны. На них он идет по лесным массивам и горам, покрытым глубоким снегом, чтобы по следу преследовать соболя, и на них же он прокладывает дорогу, по которой с большим усилием и трудностью пробираются собаки; при этом он идет впереди нарты и притаптыкает снег, по которому затем собаки могут следовать намного легче. И, наконец, лыжи особенно необходимы, чтобы сохранить санный путь в хорошем состоянии, так как когда слезаешь с нарты без них, то проваливаешься иногда по колено или по грудь и служишь причиной больших ям и дыр, которые очень затрудняют езду следующим нартам.

Лыжи состоят из тонких и длинных дощечек, которые заострены на переднем и заднем концах с обеих сторон, спереди загнуты вверх, в середине имеют выпуклость, посредством которой становятся очень эластичными. Для облегчения ходьбы, особенно при подъеме в гору, нижнюю часть лыж обтягивают мехом тюленя или морского котика так, чтобы направление ворса шло спереди назад, это облегчает движение вперед по гладкой поверхности и затрудняет скольжение назад из-за жесткого трения.

На передней половине дощечки закрепляются ремни, посредством которых лыжи очень легко привязываются к ноге. Ремни помещаются на передней части, так как задняя часть сама отклоняется назад, и ходьба из-за этого значительно облегчается, потому что передняя часть при движении вперед сама стремится вверх.

Средний размер лыж составляет 4,5 фута в длину и 7 дюймов в ширину. В общем, длина и ширина лыж зависят от веса и роста человека, для которого они предназначены. У мальчиков от 12 до 14 лет они меньше, чем у взрослых мужчин.

Есть люди, которые благодаря исключительным способностям к ходьбе на лыжах могут на них подниматься в гору и спускаться с нее, и меня уверили в том, что отдельные, хорошо натренированные лыжники на хороших эластичных лыжах, то есть на лыжах, загнутых в середине кверху, делают шаг, равный пяти обычным шагам или 15 футам; таким образом, в этом случае бег на лыжах равнозначен езде на нарте.

Прирожденные к охоте камчадалы, чтобы убить дикого барана или архара, поднимаются на высокие горы и используют для этого коньки, которые выглядят, примерно, как лыжи, и состоят из длинных палок, расположенных друг от друга на ширине 7–8 дюймов, идущих почти параллельно друг другу, спереди и сзади соединенных между собой, размером от 2,5 до 5 футов. На нижней поверхности с каждой стороны вделаны костяные острия, которые врезаются в лед и предотвращают скольжение. Эти коньки, которые точно так же, как и лыжи, закрепляются на ноге, применяются на возвышенностях и подобных местностях, на которых временами лежит низкий, скользкий замороженный снег, и вместе с тем заменяют в дальнейшем сани. Пространство между палками заполняется поперечными рейками и ремнями.

В некоторых местностях Камчатки, в которых жители должны восходить на высокие горы и ледники, для большего облегчения пользуются сильно заостренными железными пластинами, которые закрепляются (обычно пристегиваются) на ногах; они называют их послуками и с их помощью взбираются на самые отвесные, покрытые льдом горы и склоны.

Чем чаще происходят поездки на собаках, тем больше неудобств они приносят; потому что каждый хочет иметь своего собственного извозчика, а в густом лесном массиве, особенно в гору, собаки едва выдерживают, поэтому даже самые ловкие каюры зачастую ударяются о дерево и порой пешком приходят домой с окровавленными головами или другими травмами. Вообще, быстрая и благополучная езда в большей степени зависит от погодных условий; так что такую поездку по суше вполне можно сравнить с морским путешествием.

Очень щепетильно каюры наблюдают за погодой, выезжают при попутном ветре, много говорят о нынешних, будущих или бывших пургах или о кратковременных поездках, если ветер и погода позволяют. В пургу, бурю и при встречном ветре езда прекращается, и люди вынуждены искать убежище в ближайшем лесу или в хижине, как в гавани, или же возвратиться на последнюю станцию, с которой выезжали, и ждать там несколько дней хорошей погоды; и, наконец, если каюр находится на далеко простирающейся снежной поверхности, то он разыскивает путь по знакомым лесным вершинам, холму, горе или необычному лесному массиву, чтобы потом ориентироваться по ним так же, как моряк – по мысу или острову» (1, с. 235–255).

1. *Langsdorff G. H.* Bemerkungen auf einer Reise um die Welt in den Jahren 1803 bis 1807. Bd. 1–2. Frankfurt-am-Main: F. Wilmanns, 1812. 303 p.; 335. Mit Kupfern und einem Musikblatt.

2. *Лангсдорф Г. И.* Письма и материалы. Камчатка в немецкоязычных публикациях Г. И. Лангсдорфа 1805–1809 гг. (Комментарий Б. Н. Комиссарова, перевод писем Л. В. Садовникова) // «Всеобщее богатство человеческих познаний»: мат. XXX Крашенинниковских чтений. Петропавловск-Камчатский, 2013. С. 182–193.

3. Историко-этнографический атлас Сибири / под ред. М. Г. Левина и Л. П. Потапова. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1961. 497 с.

4. *Левин М. Г.* О происхождениях и типах упряжного собаководства // Советская этнография. 1946. № 4.

5. Собаководство на Камчатке в XVIII–XX вв. В материалах путешественников и исследователей (сост. В. И. Борисов). Петропавловск-Камчатский, 2007. 152 с.